

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Историцизм и его значение для развития общества и личности.

Замирская Юлия Евгеньевна

Студент

Уральский Федеральный Университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина ,

Факультет философии, Екатеринбург, Россия

E-mail: julzamir@gmail.com

Понятие историцизм для большинства наделено отрицательным значением. Это мы можем увидеть у Ницше в произведении «О пользе и вреде истории для жизни», где он полемизирует с историцизмом как с главным виновником архивно-музейного, непродуктивного обращения с историей: «историческое чувство, когда оно властвует безудержно и доходит до своих крайних выводов, подрывает будущее, разрушая иллюзии и отнимая у окружающих нас вещей их атмосферу, в которой они только и могут жить» [Ницше. Ф. О пользе и вреде истории для жизни. – М., 2000 – с 68]. Обращаясь к Гуссерлю, мы видим, что он определяет историцизм опасным в той же мере, как и натурализм: если последний натурализирует предметы сознания, то историцизм превращает их в «духовно-исторические» образования. А философы, что его проповедуют, весьма далеко уходят от того идеала строгой науки, к которому так стремился Гуссерль: «они ценят очень высоко значение такого рода философии, которая хочет быть больше мирозерцанием, чем миронаукой; ценят его тем выше, чем скептичнее они выступают под влиянием историцизма против всякого тяготения к строго философской миронауке» [Гуссерль Э. Философия как строгая Наука [Электронный ресурс] - режим доступа: http://philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения: 05.01.14.)]. Оспаривая воззрения Дильтея, Гуссерль настаивает на том, что релятивность философских систем нельзя преодолеть, находясь на «исторической» точке зрения: для преодоления релятивизма необходим идеал истины, ориентированный на общезначимость. Позиция философии, стремящейся стать научной, должна быть над-исторической.

Так же мы можем увидеть развернутую критику историцизма у Карла Поппера в его книге «Нищета историцизма». Он понимает под историцизмом все социально-философские теории, основанные на вере в «историческую необходимость», ориентированные на открытие в истории «тенденций» и «законов» развития и тем самым притязающие на предвидение будущего. Как бы различны при этом не были социальные теории, их объединяет страсть к социальной инженерии – обустройству общества согласно некоторому идеалу.

Поппер написал ряд работ направленных на разоблачение несостоятельности и опасности подобного подхода к осмыслению истории. В начале книги «Открытое общество и его враги» он предоставляет нам свое определение историцизма. В рамках данного подхода исследователь должен изучать жизнь, выходя за ее пределы, дабы постичь ее высшие закономерности, действующие причины, а возможно и план дальнейшего развития общества. Рядовой индивид же выступает здесь в роли пешки, средства осуществления высших целей общего поступательного движения человечества. В лучшем случае, как говорит Поппер, историцисту удастся обнаружить, «что по-настоящему значительными действующими лицами на Сцене истории являются либо Великие нации и их Великие вожди, либо Великие классы, либо Великие идеи. Во всяком случае, он

пытается понять смысл пьесы, разыгрываемой на Сцене истории, и осмыслить законы исторического развития» [Поппер К. Открытое общество и его враги. — М., 1992. — С. 37].

В результате любой историцистской теории, по мнению Поппера, совершается попытка предсказания исхода человеческой истории. В этом предсказании дается основа для существующего политического режима или же наоборот посыл к его преобразованию в лучшую форму, с попутным оправданием любых средств, ведущих к обещанному *успеху*.

В качестве примера подобных концепций, Поппер предлагал теистическую доктрину «избранного народа» и схожие с ней по основным характеристикам современные версии историцизма: Расистская/фашистская философия истории и марксистская философия истории. В первой место богоизбранного народа занимает избранная раса, во второй — избранный класс. И в том, и другом случае избранники становятся орудиями осуществления предназначения человечества, и, в конечном счете, закономерно наследуют Землю. Обе теории кладут в основание своих исторических предвидений такую интерпретацию истории, которая делает возможным открытие законов ее развития. Законы эти считаются своего рода естественными законами в случае расизма, где тезис о биологическом превосходстве крови избранной расы служит для объяснения хода истории. В марксистской философии истории ее законы считаются экономическими, интерпретация истории как результата процесса классовой борьбы за экономическое превосходство (в фашизме борьба между расами за власть).

Одним из адептов историцистской традиции Поппер называл Гегеля. Действительно лекции Гегеля по философии истории занимательны и интересны, но если в них сказано: «Вся правда этого мира, почему же до сих пор пишутся книги и ведутся диспуты по данной теме? А потому, что человек жив, и он отнюдь не винт в механизме, жажда деятельности и познания не могут быть остановлены *одной* теорией, насколько бы она не была убедительна. Прими общество теорию Канта или Гегеля за единственно возможное развитие событий, что ж тогда человек остался бы бездеятельным и безразличным, для него бы мир замерз, в своей однообразности смыслов».

Однако нельзя не отметить позицию Маркса относительно этого вопроса. Раскрывшая мировой порядок, закономерность смен экономических формаций, он в то же время предполагал в своей системе и возможную инициативу человека, правда, в весьма ограниченном смысле. Раскрыв законы развития общества, человек не может перескочить с одной фазы исторического развития на другую, но все же он может ускорить и облегчить смену экономических формаций.

Поппер требует признать то, что история заканчивается или же начинается всегда сегодня и сейчас, таким образом, возлагая ответственность за настоящее и будущее на современника. Действительно, концепции, предлагаемые большинством историцистов, несут сладостно пьянящее ощущение предопределенности, узаконенной разумности всего происходящего, устремляющегося к высшей цели провидения исторического развития. Но вместе с этим повсеместно теряется ценность человеческой единицы, за всемирно исторической личностью скрывается пятнадцать тысяч помощников, канувших в лету в своей безвестности. Подобное упование на предопределение может воспитать слабую инертную личность серого обывателя, потерявшего себя за своим фатализмом, послушного Тоталитарному монстру современного государства. Или же отъявленного

негодая, что с тем же упованием на фатализм, верит в достоверно определенное отсутствие индивидуальной ответственности за современную ему и будущую ситуацию в обществе.

Литература

1. Гегель В.Ф. Лекции по Философии Истории. Спб., 1993.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая Наука [Электронный ресурс] - режим доступа: http://philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения: 05.06.13.).
3. Маркс К. Капитал: критика политической экономии: в 2 т. М., 2012. Т. 1
4. И. Кант. Идея всеобщей истории во Всемирно-Гражданском плане // Кант И. Сочинения в 6т. М.,1966. Т. 6
5. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. М., 2008.
6. Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993.
7. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.